

ТИХИЙ СВЕТ

I.

На открытии выставки Дины Михайловны Фруминой в залах музея Западного и Восточного искусства яблоку негде было упасть. Пришли почти все одесские художники. Шумели, разговаривали, толпились вокруг картин. А я ходил под стеночкой, близоруко щурясь, вглядываясь... И не слышал шума. Я слушал тишину, которая была в каждом этюде, пейзаже... Чем глубже погружался в произведение, тем отчетливее звучала эта тишина. Пространство картины не было просто созданным красками на холсте — это было духовное пространство. Главной в этих залах была особая атмосфера. Произведения словно излучали тихий свет.

А в центре зала сидела "виновница торжества". Немолодая женщина (но язык не повернется назвать ее старой), гордо посаженная голова, негромкий голос, каждое слово обдуманно и взвешено. И глядя на нее, вдруг понимаешь, где источник света в ее картинах — он в ней самой! Именно он и придавал облику художницы то качество, которое можно выразить лишь немодным ныне словом "очарование". Никакой позы, тем паче "величественной", полная, абсолютная естественность. В приветствиях и выступлениях уже прозвучали самые лестные эпитеты — но громкие похвалы, казалось, ее смущали.

А ведь у нас просто такого повода не было, чтобы высказать свои хвалы. Мы впервые увидели творчество Фруминой за семьдесят лет. Между персональными выставками 1946 года и первой небольшой выставкой "Женский портрет" в 1997 году в галерее "Мост" — полвека с хвостиком... Да и эта выставка была организована лишь стараниями искусствоведа Тамары Михайличенко, очень долго уговаривавшей Дину Михайловну.

Полвека она словно старалась быть не слишком заметной. Как сказал поэт: "Быть знаменитым некрасиво"... Но Фрумина исповедовала это задолго до того, как была написана строка Пастернака. По-видимому, тут нечто общее для людей культуры, еще связанной с "серебряным веком": художник должен словно "таиться", прятаться от взглядов, не жить на публике. Ибо он хранит бездонную тишину своих душевных глубин, из которой и рождается все.

В личности Дины Михайловны меня поражает ее способность сменить в себе. Она не уверена, что как художник реализовалась сполна. Она говорит: "Если бы еще одна жизнь, чтобы воплотить на холстах свое нынешнее понимание живописи..." Эту выставку она готовила так долго! Я спрашивал с нетерпением: "Когда же, наконец?" А она отвечала: "Я не готова". Это она-то не готова! Сейчас выяснилось, что ее произведений хватило бы на три таких выставки. Невероятная взыскательность вкуса! Впрочем, эту взыскательность мы видим в каждом произведении.

Уже самые ранние этюды свидетельствуют о том, как высоко она ставит "планку". Максималистские, высочайшие критерии! Она пишет, словно спрашивая себя, как бы к произведению отнесся, скажем, Рафаил Фальк.

Но кроме обычных художественных критериев — есть у меня еще один критерий: насколько картины "похожи" на самого художника. В данном случае — очень похожи! В них — мягкость, женственность, изящество, утонченность, благородство, душевная умудренность... В них —

взгляд на окружающее самой художницы (никогда "чужими глазами" на мир не смотрела). Вот эта удивительная цельность, единство личности и творчества, единство нравственного и эстетического — и есть, должно быть, то, что привлекает к ней людей. До сих пор благодарны ей ее бывшие ученики. Один из них, Л. Межберг, специально приехал из Италии, помог с изданием каталога выставки, выпущенного Геннадием Группом. Преподаватель училища им. Грекова Елена Кучинская вместе со своими студентами помогла развешивать картины. Друзья провожают ее с концертов классической музыки в филармонию, которые она регулярно посещает. Зачем я говорю об этом? Чудо искусства требует и маленьких чудес в жизни, какими и являются дружба, верность, поддержка, понимание...

Студентка художественного училища с восторженными глазами сказала: "Сейчас так не пишут!" Не пишут потому, что уже уходит в прошлое эта "школа"? И научить этому уже не могут? Что, изменился сам художественный язык? А может быть, все дело в том, что редкие художники способны на такую бескомпромиссность в жизни и в искусстве (притом, что характер Фруминой отнюдь не "бойцовский", не "героический"), на такую самоотдачу, без которой не бывает шедевров...

II.

Она родилась в 1914 году в селе Троицкое (ныне Одесская область). Пятнадцатилетней девочкой приехала в Одессу с твердым намерением стать художницей. Она сразу же попадает в очень хорошие руки. В художественной профшколе ее учителем становится М.К. Гершенфельд, блестяще образованный человек, учившийся в Германии и Франции. На графическом факультете Одесского художественного института ее учителя — Михаил Жук, учившийся в Кракове, Теофил Фраерман, участник "Осенних салонов" в Париже, скажем так, блестящий рисовальщик, но как живописец принадлежавший к той же школе, М.Д. Муцельмахер. Все это люди с европейским кругозором — они открыли своим ученикам секреты французского импрессионизма, хотя он был в те годы запретным плодом. А потом был Киев, мастерская Ф.Г. Кричевского, эвакуация в Самарканд, дипломная работа под руководством С.В. Герасимова. Здесь же была очень важная для художницы встреча с Рафаилом Фальком. Она показала ему свои произведения, а он в знак благодарности предложил ей сыграть Шопена. Дина Михайловна говорит, что он был замечательным пианистом. Недолгий период работы в Москве. И, наконец, одно из самых значительных событий ее жизни — персональная выставка "Этюды Самарканда" и последующий разгром. Один "искусствовед" назвал ее "Ахматовой в живописи". И клеймо формалиста поставили. Но какой же у этих церберов верный нюх — чувствуют врага во всяком представителе подлинной культуры, который, естественно, не будет "колебаться вместе с линией партии".

На открытии выставки Дина Михайловна снова вспоминала о событиях 1946 года — и мне показалось, что рана, тогда нанесенная, была глубока и кровоточила всю жизнь. Вот почему пятьдесят лет прошло до очередной персональной выставки!

Она жила в себе и в мире своих картин. Самоуглубляясь. Самосовершенствуясь. А ведь нужно было зарабатывать на

жизнь, кормить семью. Когда я восхитился ее трудолюбием (столько произведений!), она ответила: "Вы ошибаетесь. Все они написаны в минуты, украденные у быта". И я вспомнил строки Мандельштама, который говорил, что поэты дышат уворованным воздухом. Так же, как и художники.

Помню свое потрясение на первой посмертной выставке А. Фрейдина (кстати, ученика Фруминой). С одной стороны — замечательные работы последних лет жизни. А с другой — громадное количество портретов, сделанных явно не по зову сердца: всяких м. б. "передовиков производства". Фрумина ни одного такого "заказного" портрета, слава Богу, не написала. Она писала лишь по собственным эскизам пейзажи и натюрморты для Худфонда. Это были настоящие работы, которые нынче считаются утерянными.

Двадцать лет преподавала она в училище имени Грекова. Очень любила своих учеников. Ушла лишь потому, что сложилась нездоровая атмосфера и кто-то поджег ее мастерскую. Среди завоевавших широкую известность учеников ее (кроме уже упомянутых Л. Межберга и А. Фрейдина) — С. Сычев, М. Ивницкий, И. Островский, Л. Межеричкий (Израиль), профессор Петербургской и Киевской Академий художеств Г. Гиза и А. Басанец, многие другие...

Она учила тому, чему учили ее. Сама она была благодарной ученицей. Все, что восприняла, понесла дальше, трансформируя, находя собственные художественные приемы... Ничего не утратила, ни от чего не оторвалась. Сохранила верность всем ценностям этой художественной школы. Она получила наследство — и не растратила, а умножила. Я всегда думал, что замечательные художественные произведения — глубоко укоренены в культурной почве.

III.

Первое впечатление от этих картин не укладывается в искусствоведческие формулировки. Они — живые! В них есть внутренняя жизнь, в которую вникаешь, погружаешься, отдаешься ей. А потом обнаруживаешь, что ты прожил вместе с картиной какой-то кусочек своей жизни. Этого не объяснишь секретами композиции, живописной техники. Это поверх всякого ремесла — одно из чудес подлинного искусства. А ведь сколько раз бывало: идешь по выставке и видишь работы вроде бы пристойные, но они как-то не задевают, глядя на тебя равнодушно, в них нет внутреннего импульса... Автор в них не присутствует и не обращается к тебе. Они мертвы! Словом, произошла уже давно возвещенная постмодернистами "смерть Автора".

А в этих произведениях — несуетная душевная сосредоточенность их создателя. В них нужно не только вглядываться, но и, помолчав, вслушиваться: что они скажут? А они говорят нечто давно известное, но всегда новое и неожиданное: "Мир прекрасен!" По-прежнему прекрасен — несмотря на все изменения "погоды" в обществе и любые тяготы жизни. И испытываешь катарсис. Очищение, освобождение, пусть и ненадолго, от тяжелого груза забот, чувство радостной свободы.

И лишь тогда сполна открывается присутствующая в этих произведениях гармония. "Сыном гармонии" называл поэта Блок. Но то же верно и по отношению к Художнику. Однако откуда она, гармония, в дисгармоничном



мире? Вероятно, она каким-то чудом сохранена в душе художника. И лишь тогда она может выразиться вовне. Прежде всего — как гармония цветовых отношений. Фрумина выражает все, прежде всего, через цвет, через эти самые отношения, которые у нее разработаны чрезвычайно тонко, а бы даже сказал, изысканно. Даже в самых темных по колориту произведениях присутствует внутренний свет. Можно сказать, что изображаемые предметы, цветы, лица — светятся. Особенно много света — в ранних произведениях и... в работах последних лет. А в промежутке — сдержанная цветовая гамма, свет приглушен. Ни одна краска не "кричит", все говорит тихими голосами, сливаясь в гармоничный аккорд.

Вот самаркандский этюд "Полдень. Сад Дуковича". Это образцовый, классический французский импрессионизм! Импрессионисты и их последователи как бы отпустили цвет и свет на свободу. И в дальнейшем Фрумина словно "укрощает" буйство красок, дает тонкие нюансы отношений порой всего лишь немногих тонов. Словом, это отечественный вариант импрессионизма, свойственный южнорусской школе, но у Фруминой особенно изысканный, доведенный до совершенства. Конечно, в Одессе даже и солнце не такое, как в Самарканде, свет другой, Фрумина сдержанна в средствах выражения — и порой кажется, что она доходит едва ли не до своего рода аскетизма. И вдруг, выходя в третий зал, поражаешься тому, как высветляется палитра, как светоносны работы последних лет. Дай Бог, чтобы как можно дольше продлился этот "третий период" в творчестве Дины Фруминой.

Впрочем, во всех "периодах" можно увидеть еще один постоянный мотив — искание Красоты. Мы истосковались по Красоте, и в то же время нас не устраивают ее пошлые суррогаты. Красоту нужно именно найти, "добыть", "увидеть". У Фруминой есть картины поразительной красоты! Удивительны ее цветы — они не просто декоративный мотив, они живые, они дышат, они как бы сами собой естественно располагаются в вазах. И тут особенно видны тонкость художественного мастерства, чистота цвета. Перед нами вовсе не

статичный декоративный объект — это одно из лиц, которыми глядит на нас природа.

Как живое существо, глядит на нас изображенный на многих холстах дом Бернардацци, планово превращаемый в руины... Этюд "Последнее утро". Скоро от дома ничего не останется. И мы вглядываемся в эту стену и две башенки — они, преобразованные трепетными мазками кисти, игрой света, увиденные с несомненной любовью, прекрасны!

Прекрасны и женщины на портретах. Портреты не психологичны, скорее — лиричны. Фрумина изображает не столько даже женщину, сколько саму женственность. Персонажи задумчивы, погружены в себя, в свою затаенную жизнь. Тут-то и ощущаешь в полной мере мягкость живописной манеры, отсутствие рассудочности, жесткости, конструктивной заданности. Кажется, что произведения рождаются во вдохновенной импровизации, на одном дыхании.

Нельзя не обратить внимания на довольно многочисленные автопортреты, охватывающие, кажется, все периоды жизни. Вот юная девушка. Вот зрелый художник с кистью в руке. Но я остановлюсь на двух автопортретах. Автопортрет 1950 года. Лицо строгое, угадываются сильный характер, энергия еще не растратенной молодости, а главное — несколько даже акцентированное чувство собственного достоинства. Взгляд устремлен вдаль, но и в нем словно читается некий вызов.

А вот автопортрет 1972 года. Темный колорит, аскетичная палитра, руки сомкнуты на коленях — "поза закрытости", человек словно ограждает свою суверенную территорию. Лицо совсем другое — худое, может быть, даже измученное. Раздумье, погруженность в себя. Какая уж тут "гордыня", дерзкий вызов! Скорее — мужество, стойкость, решимость быть верной себе, своим учителям, своим художественным принципам.

...Художник счастлив тем, что может передать нам, зрителям, свой взгляд на мир. И глядя его глазами, мы видим мир одухотворенным, очеловеченным... И излучающим свет.

Илья РЕЙДЕРМАН.